

Сборник рассказов

Сообщники

Москва

Самокат

Содержание

<i>Анна Пестерева. Чат. . . . .</i>	5
<i>Евгения Некрасова. Мелузина и ее друзья. . . . .</i>	19
<i>Данхая Ховалыг. Аялга. . . . .</i>	57
<i>Сергей Лебеденко. дети б. . . . .</i>	70
<i>Наташа Подльжняк. В пыль. . . . .</i>	83
<i>Александра Бруй. Как можно бояться собак . . . . .</i>	101
<i>Таня Климова. Никого, кроме них самих . . . . .</i>	108
<i>Аня Соболева. Твой друг Леандр в тюрьме . . . . .</i>	126
<i>Денис Осокин. Орден Кубышки . . . . .</i>	140
<i>Света Лукьянова. Слово на «К» . . . . .</i>	147
<i>Татьяна Юн. Одна . . . . .</i>	161
<i>Надя Еришова. Вторичное вдохновение . . . . .</i>	170
<i>Кристина Гептинг. Хватай и беги . . . . .</i>	181
<i>Денис Сорокотягин. Этюды, написанные мною в Школе свободы и бесстрашия 20 августа 2022 года. . . . .</i>	195

Анна Пестерева

Чат

Обновления сразу в нескольких телеграм-каналах. Переворачиваю телефон экраном вниз — недавно выработала такую привычку, чтобы не отвлекаться. Я плачу и не стесняюсь, все равно никто не увидит. Может, это новости на меня так влияют, может, лук, который я режу затупившимся ножом. Луковица молодая, злая. Даже очки — я их специально нацепила, чтобы не слезились глаза, — не помогают. Дома есть только солнцезащитные, я стою в них на кухне, как дура, и плачу. А на улице зима, минус шесть, идет снег и бьют людей.

Морковь тру на крупной терке, жарю вместе с луком до золотистого цвета. Телефон нервно подрагивает от приходящих оповещений. Из фарша леплю фрикадельки и бросаю в кипящую подсоленную воду. Туда же летит картофель, порезанный кубиками, — вместе им не так скучно вариться. В кастрюле бурлит вода, фрикадельки выпрыгивают, сталкиваются

боками, суетятся. Чисто мы, люди. А потом их затягивает обратно под воду. Добавляю овощную зажарку, прикрываю крышкой и уменьшаю огонь — остается ждать.

Сегодня ехать через всю Москву — нервничаю. Хотя, если я не буду ничего такого делать, всё же закончится хорошо? Чего такого? Главное — не забыть квитанции. На сапоги — вот лежит в кошельке, а на пальто — не вижу. Ну, начинааается. Где чек из химчистки? Перерыть сумку, достать вещи по одной, проверить все отделения, подкладку. Посмотреть на столе, под столом, за столом, на тумбе у двери, в вазе для ключей, заглянуть под раковину и потрясти мусорное ведро. Помыть руки. Залезть в шкаф и найти смятую бумажку в кармане пуховика. Ладно, все хорошо. Квитки я кладу в кошелек и, пока собираюсь, два раза перепроверяю их — просто на всякий случай. На телефон без остановки приходят оповещения: новости, новости, эсэмэска от банка, новости, предупреждение от МЧС.

«Театральную» и «Тверскую» проезжаем без остановок — поезд сбавляет скорость, но не тормозит. Пустота на перронах. Желтый электрический свет. Смотреть на безлюдные станции неловко, как на голого человека. Пропадает сигнал вайфая, телеграм обновляется с задержкой. Вижу сообщение: «В России на акциях протеста задержаны три тысячи триста двадцать четыре человека».

— Видела кофточку прямо на тебя. Привет! Говорю, видела кофточку. Тут в секунде за углом, знаешь? Они вывеску убрали, но я тебе покажу. Тебе так пойдет! Она такого интересного зеленого цвета. Благодарного, понимаешь?

Это меня встречают в доме быта. Тут ни митингующих, ни полиции, а знакомые сотрудница химчистки и мастер по ремонту обуви. Мы говорим о чистящем средстве, которое удаляет все пятна (надо домой порошок купить), и почему-то — о том, как правильно поливать кактусы. Я хочу еще что-то важное спросить, но не решаюсь.

Ныряю в метро. Эскалатор равнодушно тащит вниз толпу и меня тоже, а я смотрю прямую трансляцию на ютубе. Людей берут в окружение, прижимают к стенам домов. Замах, удар. Повторить. Какая-то девушка бежит и получает дубинкой по ноге. Рефлекторно трогаю колено и чуть ниже, куда пришелся удар. Я впечатлительная, как говорит муж, слишком близко все принимаю к сердцу. Он считает, надо смотреть на вещи шире. Это как?

По левой стороне бегут студенты и обсуждают какого-то отвратительного Олега, который не может запомнить номер квартиры. Соседний эскалатор толкает грузную женщину наверх, а она кричит в телефон: «Открой дверь, открой!» Я открываю очередное видео: парня бьют электрошокером, женщину — ногой в живот, людей кладут лицом на снег. У меня

есть право смотреть. Или не смотреть. Право хранить молчание. Правохранительный (с одной «о») орган — это мой рот, твой рот, наши рты. Мы можем ими молчать, это не запрещено. На обратном пути делаю пересадку на кольцевую — так чуть дольше, зато не придется ехать мимо пустых станций.

* * *

Леся отвечает, когда я уже подъезжаю к дому. Еще каких-то десять минут, и я открою дверь в квартиру, где пахнет супом с фрикадельками. Но короткое слово «да» заставляет меня выйти на следующей станции и сесть в поезд в сторону центра. Я не хочу этого делать! Я бы вообще сегодня сидела целый день дома. И ее не пустила б, если бы она меня слушалась.

«ты поперлась на митинг?»

Спустя четыре часа она подтверждает то, что я и так знаю: «да».

От нее приходит геолокация: район Цветного бульвара. Прошу дождаться меня у станции и ни во что не ввязываться. Леся прочитывает сообщение и не пишет ни слова — как была в детстве вредная, так и осталась. Когда я приходила за ней в садик, всегда капризничала, когда забирала из начальной школы — отказывалась уходить с продленки. Разница в одиннадцать лет сделала из меня не старшую сестру, а вторую маму. Зато благодаря Лесе я поняла, что хочу своих детей. И главное — что я с этим

справлюсь и буду хорошей матерью. Мне кажется, я правда хорошая мать.

Наверху тревожно. Люди ходят группками, стоят группками. Те, что в шлемах, тоже передвигаются группками. Я тут одна, мозолю глаза и тем, и другим. Леся подходит ко мне, и мы тоже становимся группкой. За то время, что мы не виделись, она немного набрала вес и сделала короткую стрижку. Ей идут и пухлые щеки, и мальчишеская прическа.

Леся никогда не говорила, с кем и куда идет гулять, приходила домой поздно, оставляла сигареты в кармане куртки, не стесняясь никого в доме. Она была ребенком улицы, несмотря на двух матерей в семье. «А возможно, именно из-за этого», — говорил с ухмылкой отец. И вот мы стоим, обсуждаем что-то неважное — что скользко и ветрено, — пока вокруг нас задерживают людей. Полицейские кладут друг другу руки на плечи и идут змейкой через толпу. Они подходят сзади к какому-то парню лет двадцати и задирают ему руки вверх, высоко над головой. Парень складывается пополам, так его и ведут в автозак. Леся спрашивает меня, кивая в сторону задержанного: «Ну как?» Я пожимаю плечами: что — как? Надеюсь, нам не будут заламывать руки, у меня столько пакетов с собой, из них все вывалится на асфальт.

Леся утыкается в телефон, быстро печатает, стирает что-то, пишет заново. У нее маникюр неоновосалатового цвета. Она обожает все необычное.

Хочется защитить ее от глупостей, которые она способна натворить. Почему она не отвечает на сообщения? Кто может быть человеку ближе семьи? Леся злится, говорит, что люди становятся кем-то друг другу не из-за родства. Она отрывается от телефона и тычет мне им в лицо. Открытый чат в телеграме, называется «Передачи» или как-то так.

— Они добровольно помогают задержанным, поняла? Чужие, как ты говоришь, люди. Мне дважды передавали в отделение воду и еду.

Как? Тебя задерживали?! Несколько раз?! Ты понимаешь, какой это позор? Почему ты не сказала мне ничего?

— А что бы это изменило?

Я хочу ей все объяснить. Сказать, что надо быть благоразумной. Что я желаю ей добра. Неужели так сложно быть нормальной? Неужели нельзя вести себя правильно? Все то, что я уже сто раз ей говорила.

Она не слышит моих слов. Я сама их, если честно, не слышу. Рядом с нами полицейский кричит в громкоговоритель: «Уважаемые граждане, вы мешаете проходу других граждан, просьба разойтись». Он вдруг поворачивается и смотрит в глаза, будто обращается лично ко мне. Вся площадь наблюдает, что случится дальше. Мне страшно. Пакеты падают на тротуар — я цепляюсь за Лесину руку. Ташу ее за собой в метро, она упирается. Я не нахожу нужных слов, чтобы ее убедить, но знаю, что ей на самом деле

сейчас нужно, что для нас всех будет лучше. Она вырывается, отбегает. Поворачивается и что-то кричит мне. Я слышу только громкоговоритель:

— Данное мероприятие является незаконным. Мы делаем все, чтобы обеспечить...

Леся примыкает к небольшой компании людей, и я теряю ее из виду. Прижимаю к груди пакеты с сапогами и пальто. Мимо ведут задержанных, толпа кричит: «Позор!» Ее тоже так уводили? Почему она не сказала об этом? Полицейские отгоняют людей с фото- и видеокамерами от автозаков: «Не мешайте работать». Я собираюсь нырнуть под землю, но понимаю, что одного пакета не хватает. Вот он, лежит в метре от меня. По грязному асфальту распластался рукав блузки благородного зеленого цвета. Какая-то женщина хочет поднять вещь — ее задерживают, когда она нагибается. За что? По пакету проходятся сапогами.

Я вижу еще одну змейку, которая пробирается в толпе. Идут ко мне. Я быстро хватаю блузку и бегу вниз по лестнице. Турникет не пускает: закончились деньги. Бросаю триста рублей на «Тройку». Бегу по эскалатору. Бегу по перрону в самый конец. Бегу, чтобы не думать. Центр перекрыт, оцепления, сцепки, в городе каски и бронежилеты. Мой мозг как машина в пробке: газ-тормоз-газ-тормоз-газ.

Ищу объезды, аресты, улицы перекрыты,
подъезды к центру пережаты, закрыты в землю

на метры вглубь, станции метро закрыты.
Погоны наверху, внизу вагоны пролетают без остановок.

Сигарету не закурить. Бить. Это снаружи.
Тут — взглядом в окно упереться, качаться.
Я же бросила в одиннадцатом классе. Голова
в каске.

Моя? Их. Чья?

Слова рвутся при произношении на части.
Между строк страх. Все ли в порядке со мной?
Привычка начальников подчинять пространство
приводит к погоне. Бег за толпой — азартный
спорт,

подходящий для разношивания служебных сапог.
Испуг в глазах как туман или смог пожара.

В слезах лицо. Не мое. Ее, его, чье?

Будто смола сбежала каплями по щекам.

Страдание — сигнал бедствия. Уходящий на дно
отбивает послание: sos! Нет времени

на ожидание помощи. Никто не придет,
все тонут вместе с тобой. Sos!

Страдание. Soстрадание.

Бессмысленный марафон жестокости.

Меня трясет: это не нервы, а подземный пе-
регон.

Стойкости не хватает этой конструкции.

«Не прислоняться» — такая инструкция прила-
гается

к каждой двери в метро. Но можно хвататься
руками
за поручень, в виде дубинки занесенный над
головой.
Обречена ехать по Кольцевой линии против
часовой
стрелки, похоже, одну за другой остановку без
права на пересадку.
Боже! А тебя нет. Интернет пропадает, на ладони
крест —
купить порошок. Шок. Яблок килограмм.
Отгадай загадку: куда несется Русь-тройка?
Слойка с творогом, один помидор, пачка крупы.
Нашла в новости опечатку. Информационная
диета
нездорового человека двадцать первого века —
новостная лента.
Русь не дает ответа.

* * *

Леся не отвечает, ее не было в сети полтора часа. Украдкой читаю новости и смотрю видео из интернета. Руслан привез детей из школы, все поели и разбредлись по квартире. Кажется, они смотрят телевизор, а я на кухне: убираю, мою, прячу остатки ужина в холодильник. Мамские дела, как говорит младший сын.

Приходит сообщение от нее! Написала, что дежурит у ОВД в Крылатском. Пока я думаю над ответом,

для которого с трудом подбираю слова, Леся успева-
ет мне возразить: «не в оvd, а у оvd. С передачками.
Меня не задержали».

«Внутри человеку плохо(»

Я набираю ее номер, она сбрасывает.

«мало зарядки. Выключаю телефон»

Леся пропадает из Сети. Нахожу московский чат
помощи задержанным, в нем состоит пять тысяч
одиннадцать человек. В памяти всплывают пустые
станции метро. Интересно, сколько может вместить
«Театральная»?

«Есть вода, печенье, пледы. Доширак, термос
с чаем».

«Могу встретить несколько человек у ОВД Аэро-
порт на машине».

«Сколько человек в хамовниках сейчас? Кто
знает»

«могу обзвонить оvd»

«не можем найти человека. Не выходит на связь
с 17 часов»

«Правозащитникам писали?»

«да. что делать?»

Админы то и дело просят людей переходить
в чаты округов — там раздают конкретные задачи.
Натыкаюсь в переписке на знакомую аватарку. Леся
оставила сообщение двадцать минут назад: «СРОЧ-
НО! отказываются вызывать скорую мужчине, сло-
мана рука. Все, кто может, позвоните в отделение,

спросите, почему не пускают врачей. Чем больше позвонивших, тем больше шансов добиться медицинской помощи!!!!» Четыре восклицательных знака.

Пока мою посуду, мне на глаза то и дело попадают собственные руки. Родинка на запястье, браслет. Раскладываю приборы на полотенце, вижу сморщенные от воды подушечки пальцев. Ставлю мокрые тарелки сушиться, замечаю синюю пульсирующую вену на сгибе локтя. Наливаю на губку моющее средство, обращаю внимание на заусенец.

Нахожу сообщение про этого чертова мужика, будь он неладен со своей рукой. Перечитываю заново. «Все, кто может, позвоните в отделение, спросите, почему не пускают врачей». Вбиваю номер телефона и долго смотрю на цифры, будто хочу их запомнить.

Нажать на кнопку вызова или нет? Надо мыслить шире, не принимать всё близко к сердцу. Поливать кактусы не чаще одного раза в две недели. Купить себе кофточку благородного зеленого цвета и сидеть в ней в кафе. Не мешать проходу других граждан по улицам Москвы. Ни о чем не судить, пока не увидишь всей картины.

— Саня, ты что не идешь телик смотреть? — Руслан заглядывает на кухню.

Показывают мой любимый фильм «Москва слезам не верит». Самое начало, только минут пять прошло. Как раз сделать бутерброды, выключить